

*Такеру, который верил в эту версию будущего тогда,
когда я ее еще даже не видела*

Сегодня — первый раз за все лето, когда я вижу Миллера. Он в смокинге, и он идет мне навстречу.

— Чрезвычайная ситуация, — говорит Марен и оттаскивает меня в коридор, где располагаются математические классы.

В школе стоит тишина — до начала занятий больше недели; сегодня открыто лишь для старшеклассников, защищающих свои выпускные проекты. В тот самый момент, когда я решаю осторожно выглянуть из-за угла, Миллер поднимает голову. Под мышкой у него зажата книга в матерчатом переплете. Он видит нас и прищуривается.

— Марен, — скованно кивает он, проходя мимо.

Меня Миллер словно не замечает, и я притворяюсь, что внимательно рассматриваю шкафчик, к которому придавлена по-другой. Над замком слабо, но все-таки просматривается полукружье стертой надписи «дебил».

— Миллер, — ледяным тоном отвечает Марен.

Едва он проходит, она показывает ему вслед язык и развязно выставляет бедро. Я видела Миллера последний раз в мае, с тех пор он постригся и вместо обычных лохм у него сбритые виски, а волосы на макушке зачесаны волной, будто он мечтает стать солистом мальчиковой музыкальной группы.

— Тошнотный смокинг, — бормочу я себе под нос, и Марен насмешливо фыркает.

— А что еще он мог надеть на защиту своего проекта? — Рука Марен все еще продета в мою, она тянет меня в центральный холл. Там пусто, сквозь высокие окна, выходящие на парковку, струится свет позднеавгустовского солнца. — Этот парень никогда ни в чем не знает меры.

Я слышу удаляющийся стук его каблуков. Мерный, ровный шаг, не сбившийся при встрече со мной.

— Спокойно, Ро. — Марен легонько пихает меня локтем в бок. — Не дай ему испортить тебе настроение.

— Он не испортил, — отвечаю я, хотя сердце мучительно сжимается, как бывает только при встрече с Миллером. Наверное, это естественная реакция на его глубочайшую ненависть. — Я готова.

— Отлично, — говорит она и подталкивает меня вперед.

Мы оказались в конце коридора, перед нами — дверь в актовый зал, к ней приклеен скотчем бумажный листок:

Выпускные проекты. Группа «А» 12:00–17:00

— Еще раз спасибо за то, что пошла со мной, — говорю я Марен.

Она могла бы и не ходить, ведь до конца лета осталось всего несколько бесценных дней. Но она здесь, как всегда рядом.

— Ты же знаешь, что я ни за что не пропустила бы это событие. — Марен широко распахивает передо мной дверь. — А теперь пойдем. Не тяни. Будущее ждет.

Я могла бы отложить выпускной проект до мая. Та же Марен до сих пор не придумала тему. Но вот пожалуйста — десять дней

до начала выпускного года, а я сижу в зале, полном учителей, которых можно совершенно официально не слушать еще целую неделю. Мои непокорные волосы забраны в тугую пучок, а пальцы ног стиснуты лодочками, которые Марен заставила меня взять у нее для этого случая.

Я могла бы подождать до мая, как остальные выпускники. Но у остальных не стоит над душой отец, требуя, чтобы они подали заявление о приеме в колледж, независимо от того, хочется им этого или нет. Остальным не пришлось целое лето — буквально каждую свободную минуту — делать проект. Мне было бы сложно работать над ним в течение учебного года, когда восемь часов любого дня расписаны заранее и плюс еще домашние задания. Поэтому летом я по ночам писала программу, по утрам изучала с Верой поведенческую психологию, да и все оставшееся время старалась использовать с умом.

И мне точно потребовалось больше времени на подготовку, чем Миллеру, но, когда я вышла на сцену, на экране за моей спиной все еще светился слайд с темой его проекта, источая на весь зал феромоны отличника. На белом фоне шрифтом *Times New Roman* — название:

**Второй герой «Илиады»:
Великая война глазами Гектора.
Алистер Миллер
Старшая школа Свитчбэк-Ридж
Группа «А», выпускной проект**

Ну ботан, блин.

— Можешь поставить мой проект? — шиплю я второкурснику, отвечающему за вывод презентаций на экран.

Он сидит в первом ряду, скинув обувь, в руке у него пластиковый стакан со смузи размером с мою голову. Прежде чем взглянуть на меня, парень делает большой глоток.

— Имя?

— Роуз Деверо, — отвечаю я.

Через несколько ленивых кликов мышью на экране высвечивается моя презентация. За спиной парня со смузи сидит комиссия из шести учителей, а позади всех, по центру зала, уютно поджав под себя ноги, расположилась Марен. И больше никого. Пусто, как в Антарктиде. В классе было бы комфортней, но нет, я выступаю перед девяносто двумя пустыми креслами. «Включите аплодисменты», — думаю я, и тут входит папа.

Он придерживает дверь для семенящей следом за ним Веры, и я вижу, как она старалась, собираясь сюда: стянула в аккуратный пучок облачко седых волос, надела сиреневый вязаный костюм, приколола любимую брошку в виде цветка аквилегии. Марен машет им, приглашая сесть рядом, и папа подставляет Вере руку, чтобы помочь ей пробраться по узкому проходу. Сам он даже не снял фартук, и я почти уверена, что на лице у него — брызги от взбитых сливок.

— Роуз? — окликает меня учитель английской литературы мистер Гупта.

Я представляю, как он восторженно таращил глаза на Миллера с его псевдоинтеллектуальными литературными выкрутасами, и поэтому не слышу продолжения. Мистеру Гупте приходится повторить:

— Я сказал, что мы готовы слушать и ждем только тебя.

— А, да.

Я крепко стискиваю края кафедры. Передо мной веером разложены листочки с записями, но я вызубрила текст до такой степени, что могу рассказать его, даже если меня разбудят посреди ночи. Папа из зала показывает мне большие пальцы. «Это все только ради тебя, так что слушай внимательно», — думаю я.

— Я люблю компьютеры. — Наклоняюсь к микрофону, и мой голос наполняет зал, подобно гласу Божьему. — Я всегда их любила. И, как ни странно, люди похожи на компьютеры гораздо больше, чем мы думаем.

Тут парень со смузи, поперхнувшись воздухом из соломинки, сгибается пополам и начинает кашлять в ладонь. Приходится переждать. Наконец все шесть учителей снова поворачиваются ко мне, и я говорю им то, что в течение многих лет слышала от Веры:

— Человеческое поведение предсказуемо на девяносто три процента. — Делаю эффектную паузу. — И теоретически, если знать все о происхождении и воспитании какого-либо человека, можно точно предугадать его поведение в разных ситуациях. Поэтому я создала приложение, которое, получив ответы на

определенные вопросы, может предсказать ваше будущее. Оно называется «ПАКС».

Марен издает громкий возглас, и на экране возникает анимированный логотип, который она же и помогала мне придумывать: буквы П, А, К, С, вписанные в квадрат, а над ними вращается нарисованная от руки спираль.

— Я взяла за основу идею детской игры «Палаццо, Апартаменты, Квартира, Сторожка» и добавила к ней анкету, составленную с учетом научных данных. Проанализировав ответы человека на вопросы анкеты, приложение очень точно предсказывает его будущее. Анкету я делала вместе с Верой Кинкейд, известным психологом-бихевиористом. После того как вы отвечаете на все вопросы, «ПАКС» обрабатывает ваши данные и выдает информацию по четырем основным аспектам вашего будущего: город, где вы будете жить; профессия; количество детей и ваш партнер.

Честно говоря, я покрылась мурашками от собственных слов. Учителей тоже явно зацепило — некоторые уставились на меня, забыв моргать.

— Я, пожалуй, не буду рассказывать дальше про «ПАКС», я вам его покажу. — Спускаюсь с кафедры, доставая телефон из кармана. — Если вы не против, загрузите «ПАКС» из *App Store* и посмотрите сами.

— Роуз... — Мисс Томпсон смотрит на меня поверх очков. Телефон светится в ее руке; программа грузится. — Насчет предсказания. Это действительно возможно? В смысле, точно предсказать?

— Ну да, — отвечаю я и, не удержавшись, улыбаюсь. — Это действительно возможно.

* * *

— Ты потрясла их до глубины души, — заявляет Марен, скидывая биркенштоки и укладывая ноги на приборную панель. — Помнишь голос Гупты, когда «ПАКС» предсказал, что ему суждено стать писателем? Я думала, он сейчас расплатится.

— Я думала, что сама расплачусь, — говорю я, выводя пикап на шоссе. — Поверить не могу, что все уже закончилось.

— Тебе удалось повернуть это дело. — Марен откидывает голову на спинку сиденья. Подголовник давно сломался, но Марен — маленькая: если сползает немного на кресле, попадает головой как раз куда надо. — Свершилось чудо из чудес.

Самое чудесное чудо из всех чудес. Я почти не спала этим летом — с утра мы с Верой занимались наукой, по ночам я писала программу, а потом с тревогой ждала, примет ли *App Store* тестовую версию моего приложения. Возможность кликнуть на иконку «ПАКС» в *App Store* у себя на телефоне — да, это и правда чудо из чудес.

— Остается только надеяться, что мне удалось убедить папу.

— Разве может быть иначе? — смотрит на меня Марен. Послеполуденное солнце придает ее волосам розоватый оттенок. — Ты нашла способ увидеть будущее, Ро. За три месяца сама написала программу. — Ее брови удивленно взлетают, прячась под челкой. — У тебя талант, и тебе не нужна степень бакалавра, чтобы это доказать.

— Я с тобой полностью согласна. — Останавливаюсь на перекрестке у подножия холма. В Свитчбэк-Ридж нет ни одного светофора. — Можешь повторить это еще раз, только сделай запись и отправь моему папе.

Она смеется и, опустив стекло, выставляет локоть наружу.

— Нет уж. Но готова поспорить, если твой папа заполнит анкету, приложение сообщит, что в один прекрасный день он откроет собственный ресторан. И папа на радостях разрешит тебе все что угодно.

Я вздыхаю, но не решаюсь произнести вслух то, о чем думаю. Что, если он заполнит анкету, а приложение не предскажет ресторан? Мы с папой это не переживем. Папа унаследовал кофейню «Бобы на озере» от своего отца, а тот — от своего. Три поколения Деверо поили кофе жителей Свитчбэк-Ридж, только папа еще дополнительно выучился на кулинара. Он всегда мечтал о собственном ресторане, но готовит лишь двойной мокко, изредка — жареный сыр и маффины во всех видах. А вот чего у него никогда не было, так это денег. Как-то так.

— А ты когда заполнишь анкету? — спрашиваю я.

Нам сигналият. Повернув головы, мы видим папу, который проезжает мимо на внедорожнике и машет нам рукой. Рядом с ним на переднем сиденье — Вера.

— Говорю же, никогда, — отвечает Марен, закатывая глаза. — Мое будущее — это тайна. Пусть оно таким и останется.

— Справедливо, — соглашаюсь я. — Но дело в том, что твоя лучшая подруга сама, своими ручками, создала приложение, и было бы очень по-подружески проверить его на себе. Вот и все.

— Я тебя о-очень люблю, — говорит Марен, выделяя «о». — Ужасно. Но существуют вещи, которые мы знать не должны.

Я отмахиваюсь:

— Кое-кто предпочитает иметь некоторое представление, ну да ладно.

— Доведи до ума часть про партнера, тогда снова обсудим этот вопрос, — смотрит на меня Марен. — Я вполне готова закрыть тему свиданий на всю оставшуюся жизнь, если заранее вычислю своего партнера. А потом, когда буду готова к встрече, найду его.

Партнеры — моя основная проблема. Мне удалось полностью закончить работу над тремя категориями поиска — город, работа и количество детей. (Мои собственные результаты: Сан-Хосе, разработчик программного обеспечения, ноль. Проверить, проверить, проверить.) Всю эту информацию можно спокойно почерпнуть из ответов одного человека. Но чтобы найти ему партнера, требуется больше участников анкетирования, больше людей, из которых приложение будет составлять пары. Получить их согласие, загрузить данные анкет и дать алгоритму объединить их по двое. Я многое способна сделать сама, но только не это. И очень жаль, потому что самым интересным в игре «ПАКС» всегда был поиск жениха или невесты.

В средней школе я часто оставалась у Марен с ночевкой, и ее мама учила нас всему, чему моя не могла научить меня по причине отсутствия. Мама Марен показывала, как плести французскую косу, объясняла, когда выключить микроволновку, чтобы попкорн не подгорел, и, самое главное, играла с нами в «ПАКС» —

бумажную гадалку, которая была популярна в ее детстве, в восьмидесятые годы.

Мы выбирали несколько категорий, и каждая составляла для них свои списки: четыре города, в которых хотелось бы жить; четыре профессии, о которых мечтаешь; четыре мальчика, сводящих тебя с ума. Четыре цифры — каждый раз новые, — обозначающие количество твоих будущих детей. И, конечно, постоянная категория: палаццо, апартаменты, квартира, сторожка.

Затем одна из нас начинала рисовать в нижней части страницы спираль. Рисовала до тех пор, пока другая не говорила «стоп». После этого мы подсчитывали количество окружностей в спирали от края к центру и с помощью получившейся цифры вычисляли в каждом списке один из вариантов нашего далекого взрослого будущего.

Мы веселились, узнав, что я, например, буду жить в палаццо на берегу моря во Флориде и что у меня будет шестеро детей. Но выяснить имя будущего мужа — это было круче всего! Мы записывали на листках имена самых симпатичных мальчиков в классе, не включая неудачные варианты (те несколько раз, когда Марен потихоньку внесла в мой список Миллера, не в счет).

Мы смутно догадывались, что это не совсем этично. Было очевидно, что ни одна из нас не выйдет замуж за Эли Кима, мечту всей средней школы Свитчбэк-Ридж, и не будет жить с ним в квартире в Нью-Йорке. Вряд ли кому-то из нас предстояло переехать в Сан-Диего, чтобы стать ведущим орнитологом в зоопарке. И все это было еще до того, как Марен призналась мне, что она — би. У нас в списках вообще не было девочек.

Все это были фантазии чистой воды, но в тот момент, когда мы видели их четко записанными на листе бумаги, все казалось возможным и наше будущее сверкало, как новенькая монетка. Мы словно разливали мечты по бокалам и пили их залпом.

Мне хотелось перенести эти ощущения в свое приложение, и у меня почти получилось — на семьдесят пять процентов.

— Вряд ли тебе удастся найти пару через мое приложение, — говорю я Марен. — Ну разве что миллион человек загрузит себе мою тестовую версию вместе со всеми багами.

— Уж и помечтать нельзя, — дергает плечом Марен.

Я останавливаю пикап на ее подъездной дорожке — посыпанной красным песком, с торчащими сосновыми корнями, — Марен сует ноги в туфли и выскакивает из машины.

— Слушай. — Она заглядывает в открытое окно. Ее лицо сплошь усыпано веснушками. — Удачи с папой. У тебя все получится.

— Конечно, — отвечаю я, разворачивая машину. — У меня обязательно получится.

02

Короче, у меня не получилось. Это становится очевидным, как только папа ставит передо мной тарелку праздничной пасты карбонара со словами:

— Я так горжусь тобой, Ро. Это даст тебе фору, когда будешь подавать документы на поступление в колледж.

Я смотрю на Веру, но та лишь молча улыбается. Она тоже за поступление в колледж, предательница.

— погоди, — говорю я. Вера подвигает ко мне контейнер с пармезаном, но я даже не притрагиваюсь к нему. — Ты видел, что я сделала. Мне не нужен колледж; я и так способна создать все, что захочу. С какой стати тратить кучу денег на учебу, если можно сразу устроиться на работу?

— Ро. — Папа трет лоб. — То, что ты сделала, потрясающе. Так давай отметим это событие. Совершенно не обязательно ссориться из-за твоего отъезда из Колорадо прямо сейчас. Давай...

— Я не собираюсь ссориться. — Я примирительно вскидываю ладони, и шрам на моем предплечье поблескивает в свете лампы. — Просто говорю: мой проект доказывает, что мне не нужен колледж. Только ради этого я его и делала.

— Только ради этого? — повторяет папа, вскидывая брови.

— Нет, — твердо произносит Вера. Ее силуэт четко вырисовывается на фоне окна, за которым солнце опускается между

сосен. — Ты сделала это для себя, Рози. У тебя родилась отличная идея, и тебе захотелось поработать над ней.

Я издаю стон. Она, как всегда, права. Вера была нашей соседкой еще до того, как мои родители поженились, и когда я родилась, и когда от нас ушла мама. Большую часть своего детства я провела в ее гостиной, полной книг, перед печкой, топившейся дровами. Пока папа работал, Вера рассказывала мне о мозге. О том, что значит быть человеком — фактически и биологически.

Она заведовала лабораторией поведенческих исследований в университете в Боулдере, но ушла оттуда, когда мне исполнилось пятнадцать, — больше не выдерживала темп работы из-за своей онкологии. После этого она учила только меня. Я умоляла ее поделиться со мной всеми знаниями в мельчайших подробностях: о предсказуемости действий человека, о врожденных моделях поведения и паттернах, которым мы следуем. Вместо отсутствующей матери меня растила и воспитывала Вера. Я была ее последовательницей и ученицей; она делала мне сэндвич с арахисовым маслом, а потом объясняла, что существует логическое объяснение любому нашему необдуманному, эмоциональному выбору. Я слушала, сжимая кулаки так, что белели костяшки. Я никогда не упоминала о матери, но упорно надеялась, что найду среди всех этих паттернов тот, который объяснит, почему она меня бросила.

— Ну хорошо, — соглашаюсь я, — у меня была причина. И очень уважительная.

— Ешь давай пасту, — говорит папа, но уже с улыбкой. На его щеках темнеет вечерняя щетина, вокруг глаз собрались смешливые морщинки. — Поспорим об этом завтра.

Через час папа провожает Веру домой, они идут по гравийной дороге к ее дому, расположенному в конце улицы. Я смотрю на них через арочные окна; папина рука согнута в локте, чтобы Вера, которая ступает медленно и осторожно, могла за нее держаться.

Папа всегда мечтал о моем поступлении в колледж, а я никогда этого не хотела. Ведь если я перееду в Кремниевую долину и устроюсь на работу, решатся все наши проблемы. У меня появятся деньги; со временем наберем и на папин ресторан. А если я поступлю в колледж, все отодвинется на четыре года да еще папа залезет в долги. По-моему, все ясно. Но папа очень упрямый. Мы оба такие.

Жужжит телефон — пришла эсмэска от Марен.

Как успехи?

Мысленно отвечаю: «Никак». Но я пока слишком расстроена, чтобы это обсуждать. Пересекаю гостиную и шлепаюсь спиной в подушки на старенькую бугристую тахту, спугнув Эстер. Ей уже восемь лет. Мы нашли ее когда-то на заднем дворе кофейни. Она полосатая, с колкими усами и вредным характером, но все равно наша любимица.

Эстер шипит и сворачивается клубком, давая понять, что не желает со мной общаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru